

Пролог

*Черноморское побережье.
Суббота, вечер.*

Если бы Саня знал, какой ужас ожидает его в конце пути, он бы так не торопился.

Он бы — совсем не торопился. Он вообще, пожалуй, остался бы дома, в родной Твери.

Но Саня-то думал, что в конце пути его ждут ласковое море, палящее солнце, дешевое вино, бездумное веселье. И — Динка. Тело у Динки — одновременно и жаркое, и прохладное, и ласковое, и пьянящее. Как солнце, море и вино, вместе взятые.

Динка вместе с сестрой и родителями уехала на юг на неделю раньше его. Саню в Твери задержали дела. Когда ты хозяин одновременно двух магазинов, непросто разгрести текучку и вырваться в отпуск. Динка трижды за эту неделю звонила ему с юга. Говорила, что любит его и по нему скучает. Кричала в трубку мобилы: «Я видела дельфинов!.. Ходила на экскурсию на раскопки!.. Классно загорела!..»

Динка подробно рассказала Сане, где они остановились. И так, проезжаешь насквозь весь курортный поселок Абрикосово. Затем за поселком поднимаешься по крутой проселочной дороге в гору. Потом едешь-едешь по этой проселочной дороге прочь от цивилизации, мимо заброшенных виноградников. Последний поворот, и дальше — пути нет. Начинается сосновый лес над самым берегом моря. И в этом сосновом лесу стоит их с родителями машина и большая палатка. Они пока здесь одни, совсем одни, никаких прочих приезжих туристов не имеется.

«Я привезу свою палатку», — сказал ей тогда по телефону Саня. «Прие-езжай, — ласково пропела в трубку Динка, — я буду в нее к тебе приходи-ить».

Ради этого сексуального голоса с придыханием, ради сводящего с ума Динкиного тела и несся теперь Саня через всю Россию — с севера на юг.

Выехал в пятницу сразу после работы. До вечера успел проскочить по подмосковному кольцу ненавистную столицу. Доехал, пока не стемнело, аж до самого Ельца. В июле дни еще длинные, сумерки все тянутся, тянутся — и никак не погаснут. Саня мчался на предельной скорости, какую только могла развить его малиновая «девятка»: сто сорок, а то и сто шестьдесят. Гаишников с радарамы по ночам не бывает, а несчастных случаев Санек не боялся. Кому суждено быть повешенным, того «КамАЗ» не раздавит.

Где-то уже под Воронежем Саня почувствовал: все, засыпаю, надо передохнуть.

Федеральная трасса М4 обходила город стороной. На объездной дороге он загнал машину по удачно подвернувшемуся проселку в сосновый бор. Положил рядом с собой монтировку, закрыл все окна, заблокировал двери. Откинул сиденье. Тут же отрубился.

Спал плохо. Все казалось, что вокруг «девятки» кто-то ходит. Утром проснулся с дурным предчувствием. Что-то, показалось ему, должно произойти сегодня плохое. Что-то неприятное.

Скоро собиралось встать солнце. Уже совсем рассвело, и птицы пели как бешеные. Окна «девятки» запотели от веселой росы. Дурное предчувствие уменьшилось. Санек выпил из термоса до сих пор еще горячий, ядреный кофе. Вылез из машины. В низинках стоял туман. Саня отер от росы стекла машины. Сел за руль, запустил движок, вырулил на основную трассу М4 — автодорогу федерального значения «Дон». Ожидание чего-то ужасного, с которым он проснулся, исчезло полностью — словно и не было его.

И Саня погнал. Шел на пределе. Лихо обгонял по встречной полосе фуры, «КамАЗы» и другие таратайки. Солнце

встало, потом начало припекать — совсем не так, как у них в средней полосе, — крепко припекать, по-южному. В машине надрывался магнитофон: кричали две девушки из группы «Тату»: «Нас не догонят, нас не догонят!»

Музыка помогала держать бешеную скорость. Единым духом Саня просвистал еще километров триста. Потом почувствовал: харе, надо передохнуть, поесть.

А тут и куча кафе вдоль обочины. Фуры стоят, дальнобойщики подкрепляются. Санек остановился. Походил вдоль дороги, размял ноги. Выбрал из череды разных кафе самое чистенькое — и в нем самую симпатичную хозяйку. Заказал яичницу с ветчиной из четырех яиц, помидоры, пирожное и двойной кофе. Юная хозяйка сама принесла ему на стол еду, с грустной завистью спросила:

— А вы на юг едете, да?

— Еду, — кивнул он. И предложил (без особого, правда, энтузиазма): — Погнали со мной.

— Не могу, — грустно ответила официантка (будто он не в шутку, а всерьез ее позвал). — Сейчас самый сезон. Работа.

Санек на прощанье залил опустевший термос крепким кофейком. А в бак «девяточки» собственноручно вылил две канистры бензина, припасенные на заправке под Москвой. И снова поехал. Теперь — уже не спеша.

В сон после завтрака потянуло капитально. Солнце палило, как зверь, пришлось все окна открыть. От езды, от постоянного мелькания ярких пейзажей, от утренней хорошенькой официантки, а пуще — от приближения моря (и вместе с морем Динки) настроение было самым радостным. И ночные предчувствия забылись совсем.

А весь день слился в одно ощущение: *предвкушения, движения, усталости, радости.*

На объездной трассе вокруг Ростова Саню оштрафовал на тридцатник за превышение скорости веселый гаишник.

На бензоколонке в донских плавнях он пообедал в магазинчике с кондиционером — съел два мороженых.

В станице Кушевская, на рыбном рынке, купил ве-

ликолепного, жирного, просвечивающего на солнце рыбаца. Если ему повезет, вечером он приобретет в этом самом приморском Абрикосове ледяного пивка. И ночью они с Динкой устроят на берегу Черного моря пир на весь мир.

Все ближе становилось море, все безжалостнее палило солнце.

Под Краснодаром дорога стала тенистой — обсаженной пообочь тополями, крашенными снизу в белый цвет.

Вдоль дороги тут и там стояли мальчишки, заманивали проезжих рукописными плакатами на картоне: ЖИВЫЕ РАКИ. Было искушение остановиться, купить — да Саня сдержал его. Ехать до Абрикосова еще километров триста — пожалуй, заснут по жаре ракообразные. Или по машине расползутся.

Взамен Саня на окраине станицы с чудным названием Пластуновская приобрел полтора литра теплой минералки и абрикосов (или, как их здесь называли, «жерделя») по смешной цене пять рублей за кило.

И дальше ехал, попивал воду, закусывал *жерделями*, косточки в окно бросал, навстречу упругому ветру.

Вскоре приемник стал ловить УКВ-станции из Краснодара.

Саня поехал тише, строго соблюдая скоростной режим — водилы всей страны знают, что кубанские да адыгейские гаишники самые злобные на свете. И Саня аккуратно держал девяносто километров, сплошную разметку не пересекал, в городках и поселках снижал скорость до шестидесяти.

В FM-эфире резвились местные диджеи: «Девятнадцать часов местное время, вас приветствует южная столица России...»

«Ого, — весело подумал Санек. — Столиц-то сколько в стране развелось! Москва — просто столица. Питер — северная. А Краснодар теперь, выходит, — южная!.. Значит, моя Тверь — она какая столица? Центрально-черноземная? Афанасий-Никитинская?»

Вскоре кубанские диджеи завяли, потонули в хрипе атмосферного электричества. Саня вновь врубил «Тату»:

«Мальчик — гей, мальчик — гей, положи на друзей!..» Под аккомпанемент двух малолетних шалашовок удивительно весело рулилось.

Дорога широкими кольцами незаметно полезла на перевал. Саня радовался, что «девяточка» без натуги взбирается в гору на четвертой передаче. Лишь в конце «тягунов» движок задыхался — приходилось переходить на третью.

Вскоре перевалы кончились, начался серпантин между гор. А затем он уперся в пост ГИБДД и многообещающую развилку: налево — Сочи, направо — Суджук.

Саня повернул направо, по направлению к Суджуку. Гаишник скучаяще проводил глазами его «туды-сюды», то есть шестьдесят девятый, региональный номер.

На Санька наконец навалилась усталость. Ни кофе не помогал (он залил термос в кафе, между Воронежем и Ростовом), ни ветер в окно. Глаза слезились. Шутка ли: за сутки с небольшим Саня полторы тыщи километров отмахал.

В воздухе запахло свежестью: солнце покатилося на убыль, скоро начнет смеркаться. Саня врубил габариты и ближний свет. Еще одно, последнее усилие. Пятьдесят километров как-нибудь дотянет.

...Путь на «дикую стоянку» он отыскал на удивление безошибочно. После курортного поселка вполз по каменной дороге в крутую гору. Насекомые в огромном количестве толклись в свете фар.

На горе имелась обширная площадка. Грунтовая дорога шла дальше. Слева виднелся прозрачный хвойный лес, справа — виноградники. Саня выключил мотор и вышел из авто отлить.

Удивительная красота простиралась вокруг него. По Черному морю пробегал серебристый пограничный прожектор. Выхватывал из постепенно сгущавшихся сумерек рябистую гладь и, ближе к берегу, головы купальщиков. По бухте прогулочный трудяга-катерок волок изрядную порцию отдыхающих.

С катерка доносилась разухабистая музыка. Она ме-

шалась с десятками мелодий, летящих из многочисленных пищевых точек на берегу.

Поселок Абрикосово, расположенный в бухте, *отдыхал* всюду. Дымил в десятки дымов от мангалов, гулял в тысячи курортников. Предвкушал ночные приключения.

Шашлычные дымы смешивались в один большой, стелющийся по-над бухтой дым — словно бы горела Помпея. Волнующий запах шашлыка достигал даже горы и Саниных ноздрей. С пляжа — до сих пор усеянного отдыхающими — доносился сдержанный гул человеческого муравейника. Долетали отдельные взвизги штурмующих ночное море купальщиков.

А здесь, на горе, неумолчно стрекотали цикады. По странному направлению летали три-четыре светляка. Нагретый за день камень отдавал снизу вверх свое тепло.

Саня посмотрел вверх. В небе выступали первые звезды. Их здесь было гораздо больше, чем у них в средней полосе, и выглядели они куда крупнее. Отчетливо расплескался на полнеба Млечный Путь. В разные стороны летели сразу три спутника.

Вдруг что-то большое загородило небо, звезды. Прорумело большими крыльями. Не успело даже напугать Саню — и тут же исчезло.

«Наверно, сова, — решил он. — Или летучая мышь».

«Еще пару-тройку километров — и я на месте, — подумал он, засупонившись. Допил ставшую чуть не горячей минералку. — А там обнять Динку и сразу бегом в море. В прохладное, темное Черное море. Смыть дорожную пыль и семь дневных потов. А потом — будущая теменька, надеюсь, спроворит жареного мяса. Плюс — ледяное пиво. И жирная рыбка из станицы Кушевская. А ночью ко мне в палатку прибежит, прискочит Динка... И — целый отпуск впереди».

Саня поймал себя на мысли, что оттягивает сладостный момент встречи.

Оказалось, в предощущении счастья, возможно, заключается даже больше радости, чем, собственно, в самом счастье. Он не стал думать на эту тему, разводить

философию. Сел за руль, завел машину и покатил по проселочной дороге мимо виноградников.

В фарах бились, погибая, насекомые. Вот и последний поворот. Дорога круто уходила вниз, к морю. Побочью нее стояли сосны. Где-то здесь должна быть палатка с будущей его семьей: Динкой и ее сестрой. А также с тещей и тестем.

Саня не спеша покатил на первой передаче вниз.

Ни голосов не доносилось из лесу, ни музыки, ни огонька. Только непрерывный треск цикад в открытое окно. Неужели он ошибся и приехал не туда?

Грунтовая дорога сделала крутой поворот. За поворотом вдруг в свете фар мелькнуло *нечто*.

Нечто лежало поперек дороги, преграждая путь.

Саня даванул на тормоз. Лоб его вдруг покрыла испарина.

Темный предмет лежал поперек дороги. Он не шевелился. Он напоминал очертаниями человеческое тело.

Но он не был человеком.

Фары машины осветили предмет. К горлу Сани вдруг подкатила дурнота.

Не осознавая, что делает, он заглушил мотор, поставил авто на передачу. Фары гасить не стал. На автопилоте вышел из машины.

«Эй!» — выкрикнул робко. Голос прозвучал в ночной тишине сипло, сдавленно. Саня сам не узнал свой голос.

И тут, когда Саня выпрямился во весь рост рядом с «девяткой», до него вдруг дошло очевидное. То, что он понял еще минуту назад — но что его мозг отказывался воспринимать.

На дороге лежало что-то похожее на человека, но *не человек*.

Там лежала *половина* человека.

Одетая в ситцевый халатик с веселым рисунком погибшая при жизни была женщиной.

Кто-то искалечил ее тело чудовищно, неистово.

Головы нет — на ее месте сочащаяся кровавая рана. По всему телу — несколько огромных кровавых полос. Рука, вся в крови, завернута неестественным образом. Ног

тоже нет — на их месте окровавленные обрубки. И — черная огромная лужа крови растекается вокруг тела.

Зрелище оказалось настолько жутким и тошнотворным, что Саня, прошедший десант и спецназ, не выдержал и против воли своей закричал.

Крик отразили только высокие сосны и далекое море.

* * *

*Прошло полтора суток.
Понедельник, утро. Москва.
ВАРВАРА КОНОНОВА.*

По дороге на службу, в автобусе, к Варе пристал старикан. Ну, не совсем, конечно, дед, а так, лет за пятьдесят. Сел напротив, всю дорогу глазел, а когда Варя поднялась выходить — вдруг как выдаст стихами:

— Коса ваша меня покоряет, и взор ваш — так возбуждает! А вид ваш, серьезный и строгий, мне школу напоминает!

Пассажиры дружно захихикали. Варя буркнула в рифму:
— Размер у тебя хромает...

Ну и старики пошли: ему о вечном думать пора, а он стишата клепают. Причем в понедельник. С утра пораньше.

Впрочем, Варе не привыкать. За учительницу ее принимали часто.

Или, того хуже, — за повариху, а то и за продавщицу яблок. Все потому, что выглядела она словно сестрица Аленушка — настоящая русская красавица: коса, румяные щеки, брови вразлет, глаза голубые... Косметикой Варя не пользовалась. Румянец вылезал сам, а брови были чернющими от рождения.

С другой стороны, все в ней, словно у русских красавиц на полотнах Кустодиева, было чрезмерно, слегка через край. Брови — густые (их она, согласно последней моде, не прореживала). Щеки и губы — большие, полные. Рост — почти метр восемьдесят. Широкие плечи, большие руки. Весу лишнего — килограммов пять, а то и семь. Размер бюста — извините, восемьдесят пять Д.

Словом, Варвара сама себе одновременно и нравилась, и не нравилась.

А вид ее до чрезвычайности возбуждал кавказцев, а также представителей южных наций вроде испанцев и итальянцев. Прямо проходу не давали — особенно сейчас, летом, когда Варя носила просторные, открытые платья и сарафаны. Русские мужики (по большей части хиленькие) ее глазами пожирали, но приставать, как правило, опасались. Хотя безбашенные бритые парни, бывало, клеились. А теперь вот — и старики обнаглели...

Клейщиков Варя ласково (а иногда и сердито) посылала. Последствий не боялась — постоять за себя она сумеет.

Но никому из уличных донжуанов и в голову прийти не могло, что «чернобровая училка» — на самом деле победитель многих компьютерных олимпиад, выпускница факультета ВМК¹ МГУ, дипломированный программист, ну и отчасти хакер.

...Варя явилась на службу, как и указано в контракте: ровно к девяти. Приходы-уходы ее никто не проверял. Опаздывать она сама не любила: расхолаживает.

За выходные маленький офис покрылся тонкой пеленой пыли. Варя немедленно позвонила уборщице:

— Доброе утро, я уже здесь, зайдите, пожалуйста, ладно?

Одним из пунктов ее контракта значилось: *«Исполнитель (то бишь она, Варя) обязан: никому не передавать ключи от офиса, а также не допускать в него посторонних лиц»*. Устно они договорились с Сергеем Александровичем, что уборщица посторонней не считается — не самой же Варе пыль вытирать! Она ведь программист, а не поломойка.

Варя не осуждала начальников за шпиономанский пункт контракта. Меблишка в офисе была дрянная, казенная. Факс — старинный, ксерокс — дышал на ладан. Зато компьютер, за которым работала Варя, стоил немало. Комп был самоновейший, «пентиум» с тактовой час-

¹ Факультет высшей математики и кибернетики.

тотой две тысячи сто мегагерц. А уж хранившиеся в компьютере базы данных — это особая песня.

Сюда, во-первых, поступала — в режиме реального времени — информация из открытых источников: с лент ИТАР-ТАСС, Интерфакса, Рейтера, ЮПИ плюс перехваты крупнейших мировых радио- и телевещателей, от токийской Эн-эй-кей до сизтлской Си-эн-эн...

А главное богатство — ежедневные оперативные сводки от областных УФСБ и УМВД. Итоговая сводка ФСБ и МВД за сутки. Ежедневные рапорты из всех военных округов, флотов и военных соединений. Ежедневные доклады СВР, ГРУ, ФАПСИ, УОП, КВ¹... Для допуска к этим сведениям Варю регулярно снабжали специальными паролями.

Иногда Варю попадались дела *ОВ* (особой важности). На них, увы, имелись только ссылки. А чтобы прочесть — имевшихся паролей не хватало. Но любопытно ведь...

«Шеф меня не осудит», — предположила Варя и за два месяца написала программу-дешифровщик. Проверила, убедилась, что все работает, — но пока своим ноу-хау не пользовалась. Берегла для особых случаев.

Правда, похвалиться своим хакерским достижением Варя никому не могла. Очередной пункт в ее контракте гласил: *«Исполнитель обязуется не разглашать характера выполняемой работы, а также тех сведений, доступ к которым он имеет»*.

...Фирмочка, где служила Кононова, называлась безлико: ОАО «Ритм». Числились в ней трое: сама Варя (программист), директор и бухгалтер. Бухгалтера она и в глаза не видела. Директор сидел в другом месте. Связь с ним она держала по телефону и электронной почте. Так

¹ УФСБ — Управление Федеральной службы безопасности; УМВД — Управление Министерства внутренних дел; СВР — Служба внешней разведки, ГРУ — Главное разведывательное управление Генштаба Министерства обороны; ФАПСИ — Федеральное агентство правительственной связи и информации; УОП — Управление охраны президента; КВ — Космические войска.

что работала Варвара в полном одиночестве. Каждый день, к девяти, приходила в свой офис — скромную комнату, снимаемую в огромном НИИ. Отпирала с виду обычную, крашенную зеленой краской дверь. (На самом деле дверь была бронированной, а замок реагировал только на отпечаток ее пальца.)

Варя ставила кофе, включала компьютер... и приступала к работе. До шести, как было указано в контракте. А чаще — до семи-восьми, и по выходным приходила, если удавалось выкопать что-нибудь интересное.

Подруги не понимали:

— Как тебе не скучно! Целый день пялиться в ящик, одной, без сослуживцев, без компании!

Но Варя полюбила свою работу. Во-первых, она не одна, а в компании с компьютером. И с сетью. Дьявольская разница!

Да и начальник ей понравился.

Вариного шефа звали Сергеем Александровичем. Он нашел ее в университете. Подошел после конференции по компьютерной безопасности, где Кононова выступила с блестящим докладом. Без предисловий сказал:

— Хочу предложить вам работу.

Варя ухмыльнулась:

— А вы что, из «Майкрософта»?

К пятому курсу талантливую студентку только в «Майкрософт» и не позвали.

— Нет, не из «Майкрософта», — спокойно ответил незнакомец. — Лучше.

Обычно Варя не позволяла себе нагличать, но успех на научной конференции окрылял. Она спросила:

— И много денег предложите?

— Деньги — разумные, — ушел он от ответа. — Зато работа — интересная. Очень интересная. Как нигде.

— Ну а что за характер работы?

— Характер... я вам объясню позже, — сказал Сергей Александрович.

«Что-то вы рано командовать начали! Я на вас еще не работаю», — подумала Варя. Но почему-то — промолчала.

...На факультете все поразились, когда Кононова от-

клонила с пяток предложений от западных компаний и пошла на службу в никому не известный «Ритм». Научный руководитель диплома предупредил:

— Смотри, Варвара Игоревна, не забуди свой талант...

— Начнет гибнуть — уволюсь, — отмахнулась Варя.

— Что ты хоть делать там будешь?

— Для начала — рутину.

...Варя проводила уборщицу. Заварила себе кружку крепкого кофе и наконец включила компьютер. Продрагалась через кучу паролей и вызвала компьютерную программу.

Понедельник действительно нужно начинать с рутины.

В оконце «предмет поиска» Варя написала: «Убийство».

Бесстрастный компьютер немедленно выдал: за истекшие выходные в России совершено девяносто шесть убийств. (И это не считая смертей при пожарах, в ДТП и в ходе боевых действий на Кавказе!) Варя привычно ужаснулась цифре — а пальцы уже, порхая над клавиатурой, выбрали опцию: «Показать весь список».

Компьютер сортировал события по названиям населенных пунктов, поэтому первым в списке Варя прочла:

пгт АБРИКОСОВО; район — СУДЖУКСКИЙ; край — КРАСНОДАРСКИЙ.

*15 июля *** года.*

*В 20.40 СМЕЯН А.П., 1972 г. р., житель гор. Твери, обнаружил в урочище Соленая Падь (4 км от пгт АБРИКОСОВО) трупы 4 человек: КАРКАЗИНОЙ ДИАНЫ ВАЛЕНТИНОВНЫ, 1976 г. р.; КАРКАЗИНОЙ НАТАЛЬИ ВАЛЕНТИНОВНЫ, 1984 г. р.; КАРКАЗИНОЙ ИЛОНЫ ДМИТРИЕВНЫ, 1949 г. р. и КАРКАЗИНА ВАЛЕНТИНА СЕРАФИМОВИЧА, 1947 г. р. (все проживают в гор. Твери по адресу: ***СКОЙ пр-т, дом 32, кв. 49). Дежурная оперативная группа прибыла на место происшествия в 21.10.*

Оперативными мероприятиями было установлено, что...

Далее текст обрывался. Обычное дело: подробности убийства четырех человек были засекречены для всех, кто не имел соответствующего допуска.

Варя набрала два пароля, которые обновлялись ежедневно. Они позволяли знакомиться с любым милицейским делом оперативным сотрудникам ФСБ.

Неожиданно на экране монитора замигала плашка:
**ДАННОГО КОДА ДОПУСКА НЕДОСТАТОЧНО.
ВВЕДИТЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПАРОЛЬ.**

Варя, не думая ни секунды, запустила свой дешифровщик.

Запретная плашка с экрана исчезла. Комп допустил ее к делу.

* * *

*В то же самое время.
Черноморское побережье.
Город Суджук.
САНЯ.*

Под утро понедельника Саня забылся тяжелым сном. В четырехместном номере гостиницы «Черноморская» было безумно жарко. Трое других мужчин храпели.

Весь прошлый день его допрашивали в ГУВД районного центра — города Суджук.

Трупы Динки, ее сестры, а также тестя с тещей увезли в морг.

Саню допрашивали целый день. Кем погибшие ему приходится? Чем по жизни занимаются? Почему они отдыхали именно здесь? Почему выбрали Суджукский район? Абрикосово? Соленую Падь?

А что он, гражданин Смеян, делал весь предыдущий день — субботу? Ах, ехал... А кто это может подтвердить? Кто видел его в пути?

Под вечер его наконец отпустили из ментовки.

Тела погибших, сказали ему мусора, можно будет опознать после того, как с ними окончат «следственные действия». Когда это произойдет, ему не сообщили.

Саня, оглушенный, опустошенный, отправился в

близлежащую гостиницу. Свободных номеров не имелось — только койка в комнате на четверых. Выбирать не приходилось.

Саня оставил «девятку» на гостиничной стоянке.

До четырех утра на набережной под окнами бушевала дискотека. В номере было дико душно. Храпели соседи.

До сих пор Саня не мог осознать, что произошло. И — что он потерял.

Оттого что он не видел тела Динки, ему казалось, что она просто уехала — далеко-далеко.

Когда начало светать, Саня наконец заснул. На удивление, ему снились сладкие сны.

* * *

*В то же самое время. Москва.
ВАРВАРА.*

Вскоре Варя поняла, отчего файл, описывающий преступление на окраине причерноморского поселка Абрикосово, столь тщательно засекречен.

«...С наступлением светлого времени суток (в 05 час. 40 мин. московского времени 16 июля *** года), — *прочитала она в досье*, — был произведен осмотр места преступления.

Осмотром установлено: тела пострадавших, а также отдельные фрагменты их тел оказались расположены на значительной территории — порядка 100 метров с востока на запад и 50 метров с севера на юг. Тела пострадавших были серьезно деформированы и расчленены. У тела гр-ки Карказиной Н.В. отсутствуют голова и обе ноги. На туловище данного трупа (*именно так было написано в протоколе*) имеется около пяти рваных ран — их глубина составляет около 10 сантиметров и порядка 20 сантиметров в диаметре. Установить, каким предположительно предмет наносились данные повреждения, при визуальном осмотре не удалось. Голова гр-ки Карказиной Н.В. оказалась отчленена от ее тела и находилась от него на расстоянии примерно 30 метров. В затылочно-височной части

головы имеются борозды длиной около 20 сантиметров и глубиной примерно 2—3 сантиметра, также нанесенные неизвестным предметом. Ноги гр-ки Карказиной Н.В. визуальным осмотром обнаружить не удалось. Серьезным повреждениям подверглись также три других трупа...»

Дальше Варвара читала протокол, с трудом преодолевая дурноту. За скупыми косноязычными строками рисовалась картина настоящей бойни. Кто-то убил, а затем чудовищно обезобразил тела четверых отдыхающих. Расчленил и разбросал их останки по лесу. На секунду перед Варей возникло фантазмагорическое виденье: море, раннее утро, полупустая палатка, дымка, сосновый лес, следок от погасшего костра...

Но — мирный лес весь залит кровью. Там и здесь валяются ошметки тел. Кровью забрызганы стволы деревьев...

«Взрыв? — подумала Варвара. — Граната? Мина? Фугас?.. Но почему в протоколе об этом не сказано ни слова?»

И она снова принялась читать казенные строки. И сразу же обнаружила ответ на свой вопрос.

«...При осмотре места преступления визуально не обнаружено следов воздействия на потерпевших взрывного устройства. По предварительному заключению судмедэксперта, смерть всех погибших наступила скорее всего в результате многочисленных ранений, несовместимых с жизнью. Ранения были нанесены, вероятно, неустановленным холодным оружием».

— Вот так... — пробормотала вслух Варвара. — И взрыва не было... Холодным оружием...

Да кто же мог так чудовищно постараться? Вооруженный топором псих? Маньяк-одиночка? Обкурившиеся отморозки? Банда террористов?

Что же это было?

Варя откинулась в кресле.

Она почувствовала, что дело об убийстве в окрестностях поселка Абрикосово задело ее, захватило. Захватило с профессиональной, исследовательской точки зрения.

И еще: внутри поднималось негодование против того

(кем бы он ни был!), кто совершил *такое*. Зрела холодная ярость. Ненависть к неизвестным убийцам (или убийце). И — желание, чтобы подонков нашли. И воздали им сполна, по заслугам.

Варвара решила скопировать для себя файл с протоколом осмотра места абрикосовского происшествия. Щелкнула по плашке «*Сохранить файл на диске*», однако компьютер в ответ выдал:

ДАННАЯ ИНФОРМАЦИЯ К КОПИРОВАНИЮ ЗАПРЕЩЕНА.

Варя остолбенела. Может, ошибка какая-то?

Еще один щелчок мышкой. И снова:

ДАННАЯ ИНФОРМАЦИЯ К КОПИРОВАНИЮ ЗАПРЕЩЕНА.

А потом вспыхнула еще одна, новая плашка:

Пожалуйста, прекратите попытки копирования. В противном случае доступ к данным будет закрыт, действие программы остановлено, а все данные безвозвратно потеряны.

Вот это да!

Надо немедленно доложить об абрикосовском деле Сергею Александровичу.

Варя открыла «Word» и стала составлять письмо шефу.

* * *

Где-то на Черноморском побережье.

— *В чем дело?!*

— *Ммм...*

— *В чем дело, я спрашиваю?! — Он распалялся от собственной злобы и безнаказанности.*

— *Это произошло случайно.*

— *Случайно?! Ты говоришь: «случайно»?!*

— *Так точно.*

— *Четыре человека погибли! Началось следствие! И ты говоришь: «случайно»! Да ты понимаешь, что натворил, олух царя небесного!*

— *Никак нет.*
— *Что «никак нет»?!* Что, я спрашиваю, «никак нет»?!
— *Не могу знать.*
— *Говнюк! Придурак! Ты что, из себя дурачка строишь?!*

Две зуботычины обрушились на человека — снизу правой в челюсть, а потом сразу — прямой левой в губы.

Голова его дважды дернулась, внутри ее зашумело. Во рту появился привкус крови. Однако он подумал успокоенно: «Пусть бьет. Пусть. Пусть пар свой выпускает».

Начальник ударил его еще два раза — теперь в корпус: под дых и в почки. Подчиненный согнулся в три погибели, заловил ртом воздух.

«Пусть бьет, пусть. Лишь бы насмерть не забил. И ни о чем не догадался. Главное — ни о чем не догадался».

* * *

Где-то в Москве.

— *Ты что, хочешь, чтобы она летела?*
— *Хочу. Пусть развеется.*
— *Молодая девчонка! Некомпетентная... И дело это — совсем не по ее специальности.*
— *Но если мы пошлем компетентного — они там сразу насторожатся.*
— *С местной властью у нее будут сложности. Не захотят они с ней разговаривать — дело-то засекречено!*
— *Ничего. Пусть пробивается. Посмотрим, сумеет ли...*
— *Тож же верно... А там сейчас хорошо. Вода в море — плюс двадцать семь.*
— *Ну, купаться ей будет некогда.*
— *А какое прикрытие?*
— *Стандартное. Поедет от газеты «Зазеркалье», журналисткой. Гостиница заказана, машину ей выделяют... да и наши, если что, подстрахуют.*
— *Ну и сервис! Отдыхай — не хочу!*
— *Ну что ж, пусть попробует... отдохнуть.*

* * *

*Черноморское побережье. Город Суджук.
Тот же день: понедельник.
17 часов 40 минут.
ВАРВАРА.*

Варя не была на южном море уже тысячу лет. Даже пришлось напрягаться специально, чтобы вспомнить: когда. Оказалось, после второго курса, в студенческом лагере МГУ под Сочи. Вспомнился баскетбольный центровой, прогулки по ночному пляжу за ручку... Купания в чернушей, нагретой за день соленой воде... Неуклюжие попытки центрального завалить ее на песок...

Все это сразу всплыло в памяти, когда самолет пошел на посадку в Суджукском аэропорту. «Як-40» заходил со стороны моря, в иллюминатор была видна изумрудная изумительная вода. Потом мелькнула полоска пляжа, белый песок, грибки, кабинки для переодевания и — тела, тела, тела... Отпускники жадно ловили каждый луч уходящего на ночной покой солнца.

Варя вздохнула: оказывается, и в южном море есть кайф — а она уже подзабыла. Все вакации и отпуска последних лет она проводила не на пляжах. Отдыхала деятельно и экстремально. Сплав на катамаранах по Катунь, потом — по Большому Зеленчуку. Затем на байдарках в белые ночи по Белому морю...

И впечатления от таких путешествий ярче, чем от ваяния на теплом песочке. И денег тратится куда меньше.

Она могла бы себе позволить и Кипр, и Анталию, и Сочи, и Суджук... Но душа все равно стремилась к дикой природе: своя компания, костер да гитара. Было в таком отдыхе неизъяснимое очарование.

Вот и погибшее семейство из Твери тоже решило отдохнуть романтически: основной бор, море, палатка... И какой ужас с ними приключился! «Н-да, — подумала Варя, — все меньше мест в стране, где можно уединиться. Слиться, так сказать, с природой. И при этом — ничем не рисковать. Остаться живым и здоровым».

Самолет довольно жестко ударился шасси о посадочную полосу. Пассажиров тряхнуло. Кое-кто (из числа продвинутой публики) по-европейски зааплодировал. Прочие пассажиры аплодисменты не поддержали, и они стихли.

«Як» бешено загудел пущенными на реверс моторами, поднял закрылки, принялся тормозить. Все медленнее замелькали в иллюминаторе бензовоз, автотрап, провинциальный сарайчик вокзала с надписью сверху: «СУДЖУК».

«Интересно, — подумала Варя, — успел Сергей Александрович договориться, чтобы меня встретили? Или придется добираться-устраиваться самостоятельно?»

Самолет порулил к зданию аэровокзала, и сквозь железную решетку на улице стала видна небольшая толпа встречающих.

* * *

В то же самое время.
Суджук.
САНЯ.

Саня понимал, что пьян.

И не просто пьян, а пьян капитально.

Это было хорошо. Водка мешала ему думать о Динке.

И о том, что ее нет.

И больше — никогда не будет.

Он сидел один в открытом кафе близ гостиницы, метрах в двухстах от набережной.

Официантки и барменша удивленно на него посматривали: молодой, интересный, а в одиночку, в жару, добывает бутылку водки, закусывая огурцами.

Но плевать Сане было на официанток, барменшу, прохожих. Когда в нем заплескалось четыреста граммов водяры, он достиг того блаженного состояния, когда плевать ему стало — на все.

В том числе — на самого себя.

* * *

Тот же день. Суджук. 18 часов.
ВАРЯ КОНОНОВА.

Всю дорогу до курортного города Суджук Варя волновалась. Она убеждала себя, что нервничает из-за жары да тряского самолетика (летели на старом «Як-40»). Но на самом деле ее беспокоили не условия — в походах куда тяжелее бывало. Волновало, что впереди — командировка. Необычная. Ответственная. Первая в жизни.

«Играть придется — на чужом поле, — терзала себя Варвара. — Журналисткой быть, понимаешь ли... А что я знаю о журналистике?!»

Варя достала из сумочки новенькие «корочки»: *Газета «Зазеркалье»*. *Варвара Кононова, корреспондент.*

Вздохнула: «Какой из меня корреспондент?»

Еще Сергей Александрович перед вылетом масла подлил: «Варвара, задача у тебя — возможно, посложней, чем у журналиста. Тебя будут интересовать детали. Такие детали, до которых обычно корреспондентам и дела нет... Плюс к тому: местные власти тебе будут палки в колеса вставлять. Их, как ты понимаешь, визит журналистки совсем не обрадует. В их интересах — дело в Соленой Пади побыстрее похоронить и забыть...»

«Вот так вот, — переживала Варя. — Мало того что я не настоящая журналистка, так еще и задача у меня — посложней, чем у настоящего корреспондента!»

...Автобуса к трапу не подали — к зданию аэровокзала прилетевшие шли пешком.

Варя с любопытством уставилась в толпу встречающих. Интересно, ее кто-нибудь ждет?

За железной оградой аэропорта топтался худосочный юноша. Затертый толпой оголтелых таксистов, парень поднимался на цыпочки, демонстрировал всем прилетевшим листок с надписью, «Газета «Зазеркалье».

На душе потеплело: слава богу, встречают.

— Я из газеты. Кононова. Варвара, — представилась юноше Варя. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, — пискнул парнишка. Он едва до-

ставал ей до плеча и от этого, кажется, чувствовал себя неловко.

«Почему маленькие мужики комплексуют по поводу своего роста?» — мимолетно подумала Варвара.

Раньше — в школе — она сутулилась, чтобы казаться ниже, но сейчас, в свои двадцать пять, научилась гордиться высоким ростом и статной фигурой. А парни — что ж, они сами виноваты, что задохликами вырастают... Ладно, нужно завязать непринужденную беседу — парень тогда расслабится.

— А у вас тут жара, — заметила Варя.

— Да вечер уже. Какая там жара! — по-домашнему, в тон ей ответил встречающий. И наконец очухался, залепетал по-официальному: — Добро пожаловать в Суджук! Суджук — это самый чистый воздух России! Меня зовут Вадим Горелов, можно просто Вадик. Я представляю туристическое агентство «Аргус» — организация отдыха по всему Черноморскому побережью. Моя машина на стоянке. Багаж у вас есть?

— Нет, все мое ношу с собой. — Она легко вскинула на плечо походную сумку «Рибок».

— Давайте понесу, — без энтузиазма предложил Вадик.

— Справлюсь, — хмыкнула Варя. Такой задохлик и от сумки переломится.

Она с любопытством смотрела на аэропортовскую суету. Мощные таксисты и загорелые грузчики. Лотки с цветами и напитками. От киоска звукозаписи разносится: «Левый, левый, левый берег Дона!..»

«Вроде мы на море — при чем тут Дон?» — удивилась Варя. Спросила Вадика:

— Что за песня? Новейший хит?

— Да какой там новейший! — отмахнулся Вадик. — Лет пять уже крутят. Здесь просто отдыхающих с Ростова полно. Для них ставят.

«С Ростова», — отметила Варя. — Он говорит по-южному: с Ростова, с Краснодара, с Суджука...»

Они двинулись сквозь толпу таксистов, выкрикивающих: «Красавица! Машина нужна?.. Куда ехать? Поле-

тим с ветерком, на «Ауди»!..» Вадик продвигался вперед, как маленький ледоколычок, отмахивался от водил.

Когда вышли к обширной автостоянке, он светски спросил:

— А как погода в Москве?

— Все дождит, — бросила Варя.

— Везуки, — неожиданно отреагировал Вадик. И пояснил: — Жара, натурально, достала. Сейчас, вечером, еще ничего. А днем, когда плюс сорок, хоть волком вой.

— Плюс сорок? — не поверила Варвара. Интересно, зачем она бросила в сумку пару свитеров?

Вадик подвел ее к выдавшей виде «Волге», галантно открыл дверцу, проинформировал:

— До гостиницы совсем близко. Да в Суджук — все близко. Не то что у вас в Москве... Номер вам заказали одноместный. Машину тоже уже пригнали, стоит на гостиничной стоянке. Вот ключи, техпаспорт, доверенность, радио. «Морду» от радио обязательно вынимайте, у нас тут воруют.

Варя взглянула на документы — она будет ездить на «девяносто девярых» «Жигулях». Нормально.

— Дальше, — продолжил Вадик. — Вот мобильник, подключен по местному тарифу. На счету полтинник. То есть пятьдесят долларов.

Он уложил ей на коленки аккуратенький «Сименс».

— Отлично, Вадик! — искренне похвалила Варя. — Предусмотрели просто все, что нужно!

— Нет, еще не все, — зарделся от похвалы Вадик. Он завел мотор и с видимым удовольствием, желая произвести впечатление на гостью, открыл окна в своей задрюпанной «Волге» электрическим стеклоподъемником. Окна со скрипом разверзлись.

— Здорово! — не желая его разочаровывать, восхитилась Варя.

Вадим достал из «бардачка» кипу брошюр и бумаг:

— Вот вам еще... материалы. Городской телефонный справочник. Карта Краснодарского края. Схема Суджука. Карта окрестностей: Джанхот, Дивноморское, Кабардинка, Абрикосово, Прасковеевка... А вот — мои телефо-

ны. — Он протянул ей визитку. — Если что, звоните в любое время. Ну, погнали?

— Погнали, — улыбнулась Варя.

Пока ей на юге нравилось. Терпкий морской запах, забавный худенький Вадик, тщательно организованная встреча. Приятно, когда тебя обеспечивают по высшему разряду. Отдельный номер в гостинице, своя машина, мобильный телефон, карта — что еще нужно для работы? Вопрос только — для какой работы?

До гостиницы они действительно домчали за пару минут.

Вадику удалось выхватить Варину сумку и самолично дотащить ее до номера.

Комнатка оказалась крошечной — не более девяти метров. Окна закрыты, духота — исключительная. Зато стену украшает уродливый сероватый ящик.

— Ух ты — кондишен! — восхитился Вадик. Он немедленно взялся подключать агрегат. Пообещал: — Сейчас двадцать градусов сделаем! А то и восемнадцать!

Но прохлады не получилось: кондиционер не работал. Вадик тут же призвал к ответу горничную.

— А что ж вы хотели, — проскрипела та. — В обычных номерах кондиционеры — бакинские, а японские — только в «люксах».

Вадик слегка смутился, пробормотал:

— Неувязочка вышла...

Но Варино приподнятое настроение не омрачили ни тесный номер, ни сломанный кондишен. Она на самом деле привычная: к походам, к палаткам, духоте... А тут все-таки — гостиница. С мягкой постелью и удобствами в номере.

— Пойдем, Вадик, машину мою смотреть, — заторопила Варя.

Они спустились во внутренний дворик, на гостиничную стоянку.

— Вот ваш транспорт. — Вадим подвел ее к «девятинодевятке». Выглядела машина вполне прилично. Он проинформировал: — Бак полный, тосол и масло я проверил, тормозные колодки новые, резина хорошая... почти

«Мишлин». — Потом смущенно улынулся и добавил: — А зовут ее — *Шерри*.

— Чего? — не поняла Варвара.

Вадик потупился:

— Ну, я все машины, с какими работаю, по именам называю. Эту зовут Шерри, в смысле Вишенка, потому что красная...

Варя улыбнулась:

— Извини, Вадик, сразу не поняла... Конечно, я тоже буду звать ее Шерри.

— Вы только поаккуратней, ладно? — робко попросил Вадик. — Она, конечно, застрахована, но все равно — жалко... У вас права-то давно?..

— Семь лет. — Она решила не говорить Вадиду, что заканчивала курсы экстремальной езды. Пожалуй, эта информация его не успокоит. Скорей, наоборот — расстроит.

Она проводила парнишку до выхода из гостиницы. Постояла на пороге, равнодушно поглазела на набережную. Моря отсюда не видно: только толпы разгоряченных жарой прохожих. Присоединиться к ним совсем не хотелось.

Варя взглянула на часы: семь вечера.

Дурацкое время: ни то ни се. Все официальные учреждения закрыты. Вадик предупредил: деловая активность здесь замирает к четырем часам, и даже мэрия работает до половины пятого. Специфика курортного городка!

Только ей что прикажете делать? Жить в таком же расслабленном режиме?

Варвара поднялась обратно в номер. В комнате царил жаро-духотища. Даже распахнутое настежь окно не спасало.

За окном, выходящим на набережную, бушевала курортная жизнь. Варя глянула на многоцветную праздную толпу. Поглазела на море, проглядывающее сквозь купы платанов и акаций.

Чем же ей сейчас заняться? Идти купаться? Гулять?

Или лечь спать, чтобы завтра с утра пораньше броситься в бой?

Но ни купаться, ни спать не хотелось. Есть — тоже. В самолете накормили на славу, почти на убой. Может, сразу взяться за дело? Тогда она хотя бы отвлечется — и волноваться перестанет, что из ее командировки ничего не получится...

Варя села на кровать, развернула карту Краснодарского края. Вот он, курортный поселок Абрикосово. Всего-то километров сорок от Суджука. А рядом отмечена бухточка: Соленая Падь. Почему бы ей туда не прокатиться — прямо сейчас? Составить первое впечатление? Получить первую информацию? Опробовать Шерри на горной дороге?

Идея Варю захватила.

Целесообразность поездки Кононова оценила в семерку — по десятибалльной шкале. Ничего, конечно, кроме слухов, в этом Абрикосове она не узнает. А место преступления — наверняка до сих пор охраняют. И никто ее туда не пустит.

Впрочем, иногда и от слухов бывает польза. А выбора у нее все равно нет — или бесцельно фланировать по забитой курортниками набережной в Суджуке, либо начать хоть какое-то подобие работы.

Что ж, съездим в Абрикосово, подышим тамошним воздухом...

Ночная прогулка по абрикосовским лесам-пляжам предполагала особую форму одежды: что-то неяркое и удобное.

«Что ж мне надеть?» — задумалась Варвара. Сарафаны и шлепки явно отпадали, а походная экипировка, захваченная из Москвы, тоже не годилась. Смешно надевать защитный комбез из плотного хлопка, когда даже сейчас, вечером, на улице — за тридцать.

«Могла бы перед отлетом хоть прогноз послушать, — ругала себя Варвара. — И головой подумать: как будет смотреться десантный комбинезон в толпе курортников. К тому же Чечня неподалеку. Могут совсем неправильно понять».